

Хайруллин Тимур Радиковичсоискатель Института Африки
Российской академии наук**Коротаев Андрей Витальевич**доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации
Национального исследовательского университета
Высшей школы экономики**К ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ
НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. [1]****Аннотация:**

В статье рассматриваются интеграционные процессы в регионе арабского Востока, происходившие в 1940–1980-е гг. Основными идеологическими платформами политической интеграции выступили арабский национализм и исламизм. Показано, что после Второй мировой войны арабский национализм стал доминирующей формой политической интеграции, отодвинув исламистские идеи на второй план вплоть до 1970-х гг., когда наблюдался переход от националистического периода арабской интеграции к ее исламистскому периоду. В работе проанализированы программы лидеров отдельных арабских государств, чьи лозунги стали частью основ арабского национализма. Рассмотрены идеологические платформы, различные проекты политической интеграции, а также причины подъема и спада популярности арабского национализма и исламизма. По ряду причин арабский национализм как форма интеграции уступает место исламистской идеологии, которая становится эффективной альтернативой идеям арабского национализма и действенной платформой политической интеграции вплоть до конца XX в.

Ключевые слова:

национализм, исламизм, интеграция, арабский регион, периодизация.

Khairullin Timur RadikovichPhD applicant, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences**Korotayev Andrey Vitalyevich**D.Phil. in History, Professor,
Head of the Laboratory for Monitoring of
the Risks of Sociopolitical Destabilization,
National Research University
Higher School of Economics**PERIODIZATION OF THE POLITICAL
INTEGRATION PROCESSES
IN THE ARAB WORLD IN THE SECOND
HALF OF THE 20TH CENTURY [1]****Summary:**

The study reviewed the integration processes in the Arab World in the 1940s–1980s. At the time, Arab nationalism and Islamism were the main ideological platforms for political integration. After the Second World War, Arab nationalism became the dominant form of political integration pushing Islamist ideas into the background until the 1970s, when there had been a shift from Arab nationalism to Islamist period of integration. The authors analyzed the programs of the leaders in several Arab states whose slogans had become a part of the foundations of Arab nationalism. The research examined the ideological platforms, various projects of political integration as well as the high and low points of Arab nationalism and Islamism. For a number of reasons, Arab nationalism as a form of integration gave way to Islamist ideology which became an effective alternative to the ideas of Arab nationalism and a valid platform for political integration until the end of the 20th century.

Keywords:

nationalism, Islamism, integration, Arab World, periodization.

Интеграция в различных ее формах играет важнейшую роль в развитии арабского Востока. Во второй половине XX в. в качестве идеологической базы политической интеграции выступали прежде всего национализм и исламизм.

После Второй мировой войны начался процесс политической интеграции на основе так называемого *арабского национализма*. Дело в том, что идеи национализма в арабском регионе достаточно остро конкурируют с идеями мусульманской *уммы*. Именно ислам является доминирующей религией в регионе, в государственном и общественном укладе. Однако нарождавшийся исламизм претерпел серьезные испытания в процессе бурных событий «колониального периода» арабских стран и уступил впоследствии на некоторое время ведущую роль идеям национализма. Во многом это связано с развалом Османской империи, которая являлась оплотом «исламизма» в религиозном, политическом и культурном отношении [2, р. 7]. После распада единой империи многие арабские страны были поделены между французской и британской империями и перешли в статус протекторатов. Переход под контроль европейских держав после продолжительного нахождения под властью османов способствовал развитию в арабских странах идей арабского национализма [3, р. 30].

Данное обстоятельство было усилено возникновением государства Израиль, способствовавшим развитию идей о необходимости объединения арабов в единое государство, которое могло бы дать отпор Израилю и поддерживавшим его «империалистическим» державам [4, с. 322]. Это стимулировало объединение арабских стран Ближнего Востока под флагом панарабизма как единой идеи арабского национализма для всех арабов [5, с. 186]. Сочувствие и солидарность палестинцам со стороны арабского мира, а также угроза, исходившая от израильского национализма («сионизма»), достаточно явно проявились уже после первого поражения в арабо-израильской войне 1948 г. В качестве конкретных проявлений здесь можно выделить программные документы лидеров отдельных арабских государств, чьи лозунги стали частью основ арабского национализма.

Одними из наиболее успешных идеологических проектов, реализованных в рамках движения арабского национализма, были «насеристский» проект Гамалея Абдель Насера, концепция ливийской джамахирии лидера Муаммара ал-Каддафи и «самоуправленческий социализм» алжирского лидера Ахмеда бен Беллы.

Помимо всего прочего, идеи арабского национализма получили организационное оформление в лице Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), более известной как Баас. Созданная 7 апреля 1947 г., данная политическая группировка приняла имя «Партия арабского возрождения»; однако, объединившись в 1954 г. с Арабской социалистической партией, она получила привычное для всех теперь название [6].

Главными идейными вдохновителями ПАСВ были Мишель Афляк (1910–1989) и Салах ад-Дин Битар (1912–1980), которые путем изучения исторического опыта арабского мира сумели представить альтернативный исламскому вариант консолидации арабского общества.

Баас, как транснациональная партия, несла в себе арабскую националистическую идеологию, призванную создать объединенное арабское государство, которым руководила бы партия авангарда и «прогрессивное» революционное правительство. И в определенной степени теории баасизма вполне способствовали интеграционным процессам в арабском регионе [7, р. 60].

Однако руководство Баас полагало, что для того, чтобы произвести процесс объединения арабских государств в единое арабское государство, необходимо добиться победы национальной идеи в отдельно взятых арабских государствах. С этой целью во многих арабских государствах, таких как Сирия, Ирак, Алжир, Египет, Бахрейн, Кувейт, Иордания, Ливан, Ливия, Мавритания, Палестина, Судан, Тунис и Йемен, стали появляться отделения Партии арабского социалистического возрождения.

Особого успеха партия Баас сумела достичь в Сирии и Ираке, которые после фактического распада панарабской партии в 1966 г. на две (с центрами в Дамаске и Багдаде) стали соответственно «штабами» просирийской Баас и проиракской Баас.

Усиление процессов националистической секуляризации встречало постоянный отпор со стороны религиозных сил, за чем следовал контротпор со стороны националистов. В политическом отношении это проявилось в нескольких направлениях, одним из них стало изменение партийной системы. В государствах с приходом националистических элит установилась однопартийная система. Странами стали руководить националистические партии власти. В Египте с приходом националистов во главе с Гамалем Насером установилась однопартийная система с высшим органом власти – Советом революционного командования. Гонениям подверглась основная исламистская сила в стране – ассоциация «Братья-мусульмане» [8, р. 159]. В Тунисе с приходом Хабиба Бургибы начались глубокие социально-правовые реформы светской направленности. После запрета деятельности коммунистической партии (январь 1963 г.) в стране окончательно оформился однопартийный режим. В Алжире с обретением независимости в 1962 г. и приходом к власти Ахмеда бен Беллы была принята программа развития на основе социалистической модели и утвердилась однопартийная система в лице правящей партии – Фронта национального освобождения [9, с. 10].

В Северном Йемене в результате устроенного арабскими националистами антимоноархического переворота 1962 г. началась гражданская война. В 1967 г. пришедший к власти в Южном Йемене Национальный фронт, руководимый арабскими националистами, объявил о создании Народно-Демократической Республики Йемен и выбрал в качестве вектора развития социалистическую модель. В Верховном народном совете существовали только две политические силы – просоветская и прокитайская фракции. Впоследствии власть принадлежала только одной ведущей партии – Йеменской социалистической партии.

В Сирии и Ираке с приходом к власти националистической партии Баас в 1963 и 1968 гг. соответственно другие партии (в основном левые) не имеют возможности играть существенную роль по сегодняшний день. В Ливии с приходом Муаммара ал-Каддафи и провозглашением ливийской *джамахирии* действие легальных политических партий прекратилось вообще.

Также изменения произошли на законодательном уровне, в особенности это коснулось конституций. Произошло усиление светских демократических начал, особенно в социалистическом ключе, и сокращение норм, прямо или косвенно относящихся к шариату и исламу в целом. Так, в

конституциях Египта, Сирии, Ирака, Туниса, Алжира, Йемена, Судана была закреплена приверженность социалистическим и националистическим идеалам и максимально снижено количество норм, относящихся к исламу.

В качестве других проектов политической интеграции можно выделить создание в 1958 г. Объединенной Арабской Республики (ОАР), которая стала первой попыткой объединения арабских стран в единое государство. Помимо федеративного союза, которым являлась ОАР, в том же 1958 г. сложился конфедеративный союз. В него вошли Египет, Сирия и Йеменское Мутаваккилийское Королевство, образовав Объединенные Арабские Государства (ОАГ).

Однако созданный союз с Сирией и Йеменом не оказался продолжительным. Объединение с Сирией в рамках ОАР потерпело неудачу вследствие неравномерного развития египетской и сирийской «областей» объединенного государства. Египетская область развивалась успешнее, так как сирийская территория служила в качестве сырьевой базы египетской промышленности и рынка для сбыта ее продукции. К тому же на руководящих постах в объединенном государстве во многом преобладали египтяне, что не совсем устраивало сирийцев, которые надеялись на равномерное распределение должностей [10, с. 59]. Дезинтеграционные процессы завершились в 1961 г. военным переворотом в Сирии. Захватив власть в Сирии, военные объявили о выходе Сирии из ОАР.

В 1969 г., вскоре после захвата власти в Ливии, ее новый лидер Муаммар ал-Каддафи предложил создание Федерации Арабских Республик (ФАР), в которую бы входили Ливия, Египет и Судан. Данная инициатива была поддержана египетским лидером Гамалем Насером [11, р. 9]. Первым шагом было основание Ливией Арабского революционного фронта вместе с Египтом и Суданом. Уже в следующем году войти в состав будущей федерации выразила желание Сирия, после чего ливийская, египетская и сирийская делегации собрались для переговоров. На первых порах суданская делегация воздержалась от участия в данном проекте [12, с. 120]. Первыми результатами переговоров стало заключение Каирской хартии, анонсировавшей намерение создать Федерацию Арабских Республик.

Необходимо отметить, что параллельно с возникновением проекта ФАР Ливией была предложена система нового союзного договора с Тунисом. Так называемый проект Арабской Исламской Республики (АИР) предполагал создание федеративного государственного образования, включающего в себя как Ливию, так и Тунис [13, с. 121].

К 1989 г. был осуществлен первоначально достаточно успешный проект по созданию Союза арабского Магриба, представляющего собой международную арабскую организацию, направленную на экономическую и политическую интеграцию всех арабских стран Магриба [14, с. 269]. Однако с 2008 г. встречи на высшем уровне в рамках этого союза больше не проводились, и, хотя последующие встречи на министерском уровне выразили надежду на то, что к 2017 г. будет сформирована зона свободной торговли, последующих шагов к осуществлению данной цели так и не было предпринято [15, с. 15]. Практически прекратившееся функционирование союза дает повод рассматривать его в качестве фактически бездействующего.

Однако помимо интеграционных процессов, подразумевавших создание федеративных и конфедеративных образований, под флагами арабского национализма образовывались и так называемые военные союзы – коалиции. Во многом это выражалось в поддержке палестинского населения в борьбе против Израиля.

Движущим центром в период расцвета арабского национализма можно назвать Египет, но важную роль тогда играли также Ливия, Сирия и Алжир.

В 1970-е гг. наблюдался переход от националистического периода арабской интеграции к ее исламистскому периоду [16, р. 109], когда исламизм усилился практически во всех странах арабского региона [17, с. 6]. На этом фоне произошла заметная активизация религиозно-политических движений, направлявших свою деятельность на увеличение влияния ислама на внутреннюю и внешнюю политику арабских стран [18, р. 90].

Важной вехой на пути к усилению влияния исламистов в арабском мире стала арабо-израильская война 1973 г., когда Саудовская Аравия, претендовавшая на роль гегемона исламского мира, вместе с другими странами – экспортерами нефти фактически подняла цены на углеводородное сырье, что дало в распоряжение исламистских монархий Персидского залива колоссальные финансовые ресурсы. С другой стороны, фактическое поражение в 1973 г. арабской коалиции, возглавлявшейся националистами, привело многих арабов к окончательному разочарованию в идеях арабского национализма и социализма. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что позиции Египта и всей арабской националистической коалиции уже были сильно ослаблены поражением в «шестидневной» войне 1967 г.

В результате интеграционные процессы в арабском регионе не утратили своей значимости, однако продолжились они не под знаменами арабского национализма. В 1970-е гг. исламистское течение одержало победу над прогрессистским национализмом, который господствовал в 50–60-е гг. XX в.

Важным событием, закрепившим победу исламистских идей над националистическими на Ближнем и Среднем Востоке, стало осуществление Исламской революции в Иране в 1979 г.

Свергнув «еретический» довольно-таки секуляристский шахский режим, религиозное духовенство основало Исламскую Республику, ориентированную во внешней и внутренней политике на проповеди аятоллы Хомейни.

С другой стороны, именно Саудовская Аравия перехватила эстафету арабского регионального лидера, стремящегося к интеграции арабских стран теперь уже под знаменами исламизма. Будучи хранительницей святых мест – Мекки и Медины, Саудовская Аравия с помощью роста нефтедолларов сумела укрепить консервативную исламистскую концепцию международных отношений в арабском мире.

Смешавшись с исламистскими интеллектуалами, ваххабитские улемы стали распространять идеи течения, обозначенного внешними наблюдателями как «нефтеислам»; это течение представляло собой попытки обеспечить максимально возможно строгое соблюдение в арабских странах норм исламского права в политической, культурной, морально-нравственной и других сферах.

Продвигая салафитский ислам суннитского толка, королевство финансировало и поддерживало все движения и партии, выступающие с этих позиций по всему миру вообще, но в арабских странах в особенности. Во многом это проявлялось в отправке в соседние государства религиозных миссионеров, которые распространяли труды идеологов данного направления (Ибн Абд аль-Ваххаб и Ибн Таймийя), а также финансировании строительства мечетей и мусульманских ассоциаций. Весь суннитский мир (кроме шиитов, которые считались еретиками) подвергся широкомасштабному прозелитизму, целью которого было установление салафитского ислама в качестве ведущей силы в арабском регионе [19, р. 10]. Тем самым возвышалась роль саудовской монархии как «хранительницы двух святынь».

Разразившийся «нефтяной бум», увеличивший доходы монархий Залива, привел к бурному росту возникшей в 1960-е гг. системы исламского банкинга. Необходимо отметить, что исламская финансовая система стала важным явлением, набравшим силу в период «нефтяного бума» и составившим впоследствии конкуренцию традиционной капиталистической финансовой системе.

Подъем исламистских идей вполне естественно сопровождался уменьшением роли националистических и социалистических идей на политическом уровне.

Существенные изменения коснулись партийной системы. С подъемом исламистских идей стали приниматься законы, легализовавшие исламистские партии (и тем самым нередко фактически вводившие многопартийную систему – особенно в странах, где у власти находилась националистическая элита с однопартийной системой управления).

Также серьезные изменения произошли и на законодательном уровне. Произошло ослабление светских начал и социалистических лозунгов, с параллельным увеличением норм, прямо или косвенно относящихся к шариату и исламу в целом. Так, в конституциях Египта, Сирии, Ирака, Туниса, Алжира, Йемена, Судана количество таких норм увеличилось более чем в два раза.

Таким образом, к концу XX в. исламизм стал доминирующим фактором в процессах политической интеграции в арабском регионе, отодвинув на второй план идеи арабского национализма.

Дальнейшие процессы, происходившие в начале XXI в., в частности вторжение американской коалиции в Ирак и начавшийся процесс радикализации исламистских идей, который достиг своего апогея в процессе событий, запущенных трагедией «арабской весны» [20; 21; 22; 23; 24; 25], с трудом поддаются однозначной оценке и требуют самостоятельного исследования, способного установить, насколько эти события могут знаменовать начало нового периода в панарабских интеграционных процессах.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: перспективы и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).
2. Ahmed J.M. The Intellectual Origins of Egyptian Nationalism. N. Y., 1960.
3. Zeine N.Z. The Emergence of Arab Nationalism. N. Y., 1973.
4. Колобов О.А., Хохлышева О.О. Ислам и его значение в современном ближневосточном урегулировании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5-1. С. 322–326.
5. Воронин С.А. Этатистский (государственный) национализм как тип легитимизации политического лидерства на Востоке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 3. С. 185–193.
6. Филиппов А. «Вечное Послание», «возрождение» и «дух» в арабском национализме середины XX столетия // Палытычная сфера. 2010. № 14. С. 145–158.
7. Salem P. Bitter Legacy: Ideology and Politics in the Arab World. Syracuse University Press, 1994.
8. Brown L.C. Religion and State: The Muslim Approach to Politics. N. Y., 2000.
9. Политические системы современных государств : энциклопедический справочник : в 4 т. Т. 4. Африка / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч. ред. А.Ю. Мельвиль ; отв. ред. М.Г. Миронюк, А.В. Мальгин. М., 2014. 560 с. : ил.
10. Косач Г.Г. Арабский мир: идентичность и структура геополитического региона : сборник статей / отв. ред. Б.Г. Сейранян. М., 2012. С. 53–75.

11. Vandewalle D. *Libya's Revolution in Perspective 1969–2000* // *Libya since 1969: Qadhafi's revolution revisited* / ed. by D. Vandewalle. N. Y. ; Basingstoke (UK), 2008. P. 9–53.
12. Баранов А.В. Федерализм в исламском мире // *Человек. Сообщество. Управление*. 2004. № 3–4. С. 112–123.
13. Там же. С. 121.
14. Федорченко А.В. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 5. С. 266–274.
15. Ломакин Н. Союз арабских стран Магриба: результаты интеграционных планов // *Мировое и национальное хозяйство*. 2016. № 3. С. 1–16.
16. Merad A. *Reformism in modern Islam* // *Cultures*. 1977. Vol. 4, no. 1. P. 108–127.
17. Милославская Т.П., Милославский Г.В. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*. М., 1986.
18. Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2009. № 5. С. 89–100.
19. Kepel G. *Les banlieues de l'Islam: naissance d'une religion en France*. Paris, 1987.
20. Grinin L., Korotayev A. Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. 2012. Vol. 68, no. 7. P. 471–505.
21. Малков С.Ю. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны / С.Ю. Малков, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, Е.В. Кузьмина // *Полис*. 2013. № 4. С. 137–162.
22. *The Arab Spring: A Quantitative Analysis* / A.V. Korotayev, L.M. Issaev, S.Y. Malkov, A.R. Shishkina // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36, no. 2. P. 149–169.
23. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Революция vs демократия // *Полис*. 2014. № 3. С. 139–158.
24. Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М., 2016.
25. Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа / А.В. Коротаев, К.В. Мещерина, Л.М. Исаев, А.С. Исковский, Е.Д. Куликова, У.Д. Херн // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2016. Т. 7. С. 22–126.